

ОРДЕН ПЯТОЧКА и МАГИИ

ЛИНА ФЛАММИЯ

Лина Фламмиа

Орден пяточка и магии

<https://litres.ru/74534562>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ведьма-неудачница. Тиран-Магистр. Один несчастный случай — и он превращается в розового поросёнка.

Теперь она прячет его в корзине, он командует побегом из собственной резиденции, а вместе они крадут печати власти и проходят Лабиринт Желаний. На кону — трон, город и вопрос: что сильнее, ненависть или картошка с запахом бекона?

Содержание

Глава 1. Дефект сияния	4
Глава 2. Свинина высшего совета	13
Глава 3. Интерьерный коллапс и план "Ограбление века"	23
Глава 4. Тени под дубовой столешницей	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лина Фламмиа

Орден пяточка и магии

Глава 1. Дефект сияния

Солнце над Школой Праведного Зельеварения и Стихийных Бед обычно светило умеренно, как и полагается по уставу. Но Селесте всегда казалось, что оно светит лично на неё — просто чтобы подчеркнуть, насколько она не вписывается в этот мрачный, пропитанный запахом жжёной серы и кошачьей мочи пейзаж.

Селеста была ведьмой. Теоретически. У неё был диплом, выданный скорее из жалости и желания ректора поскорее избавиться от "этого светящегося недоразумения", чем за реальные заслуги. И у неё были волосы.

Проблема 1: Волосы

В мире где были ведьмы ценились оттенки воронова крыла, глубокий рыжий или, на худой конец, мышино-серый. Волосы Селесты были белыми. Не седыми, не платиновыми, а именно белыми, как чистый лист пергамента. Они слегка подсвечивались в темноте, выдавая её местоположение при любой попытке скрытного перемещения.

— Селеста, ты не ведьма, ты — маяк для инквизиции, — часто говаривала её наставница, мадам Мортифер, протирая

монокль. — Если нас придут сжигать, я просто укажу на тебя, и, поверь, они решат, что ты уже святая и уберутся во-свояси.

Сейчас Селеста сидела на краю своей скрипучей кровати в комнате, которую она снимала над лавкой старьёвщика. Диплом в рамке висел на стене криво. Слово "Удовлетворительно" в графе "Боевая магия" было обведено жирным кружком, под которым кто-то (явно декан) приписал: Чудо, что никто не погиб.

Она попыталась сотворить простейшее заклинание бытового комфорта — "Тёплый завтрак"

Ожидание — хрустящий тост с маслом и горячий кофе.

Реальность — тост обуглился до состояния антрацита, а кофе превратился в ледяное желе со вкусом фиалок.

— Опять... — прошептала она, глядя на свои ладони. Между пальцами проскакивали не привычные зелёные искры ведьминской силы, а чистые, белые разряды, похожие на статическое электричество богов.

Вспоминая годы учёбы, Селеста искренне удивлялась, как её не исключили на первом курсе. Хотя нет, она знала ответ: её просто боялись трогать. Любое проклятие, направленное в её сторону, либо рикошетило в случайного прохожего, либо превращалось в букет ромашек. Она была "неудачницей" не потому, что у неё ничего не получалось, а потому, что у неё всё получалось "неправильно".

На экзамене по призыву фамильяра вместо солидного

чёрного кота или хотя бы жабы, Селеста призвала упитанного золотистого ретривера с крыльями бабочки. Пёс, названный Пушком, обладал аурой абсолютного дружелюбия, которая парализовала волю злобных тварей из подземелий школы — они просто ложились и просили почесать им пузико. Кафедра некромантии была в ярости. В лабораторной по ядам её "Смертельный отвар" оказался настолько вкусным и целебным, что излечил хронический ревматизм у проверяющего инспектора. Селесту обвинили в "несанкционированном проявлении святости".

На выпускном балу она случайно чихнула во время танца, и её магический выброс перекрасил мантии всех присутствующих в нежно-розовый цвет. Сегодня был её первый день взрослой жизни после выпуска. В кармане звенело три медных монеты, а в желудке урчало так, будто там поселился голодный дракон. Она подошла к зеркалу. Белые волосы сегодня сияли особенно ярко — явный признак того, что магия внутри неё нервничает.

— Так, Селеста. Ты дипломированный специалист. Ты можешь... ты можешь... — она замолчала, пытаясь придумать хоть что-то, что она делает предсказуемо. — Ты можешь приносить неудачу самой неудаче.

Её план был прост и амбициозен: найти работу, где её "дефект" станет эффектом. В городе Окхейвен как раз требовался "специалист по нейтрализации аномалий". Ну, или хотя бы кто-то, кто не боится заходить в заброшенные скле-

пы. Она накинула на голову глубокий капюшон, который всё равно светился изнутри, как абажур, и вышла на улицу. Город жил своей жизнью: ведьмы на метлах (модели Стрела-2000) пролетали над крышами, алхимики зазывали на дегустацию зелий от похмелья, а инквизиторы лениво жевали булочки, делая вид, что никого не замечают. Селеста шла, стараясь не задевать прохожих. Она знала: если она случайно столкнётся с кем-то, у того либо развяжутся шнурки, либо он внезапно выиграет в лотерею. Третьего не дано.

Биржа труда для магически одаренных лиц располагалась в здании, которое раньше было моргом, и, честно говоря, атмосфера там сохранилась соответствующая. Тяжелые дубовые двери, покрытые слоем многолетней пыли и защитными рунами от сглаза, скрипели так, будто каждый посетитель наступал на хвост невидимому демону. Селеста поправила капюшон, который отчаянно пытался скрыть её сияющую шевелюру. Бесполезно. Свет пробивался сквозь дешевую ткань, создавая вокруг её головы ореол, из-за которого она была похожа на святую с похмелья.

— Следующий! — гаркнул голос, больше похожий на скрежет несмазанных петель. Селеста вошла в кабинет. За массивным столом сидел господин Шаркун — чиновник с лицом, напоминающим сушеную сливу, и глазами, в которых застыла вековая скука. Он даже не поднял головы, когда она вошла.

— Имя, специализация, уровень угрозы для общества, —

монотонно пробормотал он, листая пергаменты.

— Селеста Сильверфолл. Ведьма общего профиля. Диплом Школы Праведного Зельеварения... — она запнулась, — с отличием по дисциплине "Теория вероятностей".

Шаркун поднял взгляд. Его глаза медленно переместились с её лица на капюшон, из-под которого выбивался ослепительно белый локон. Он медленно отложил перо.

— Ведьма, говорите? — он прищурился. — А почему вы выглядите так, будто вас только что отстирали с отбеливателем в святой воде?

— Это... генетическая особенность, — Селеста попыталась улыбнуться, но вышло жалко. — Моя магия имеет специфический спектр. Но я очень старательна! Я могу проклинать, варить яды, насылать порчу на мелкий рогатый скот...

— Хорошо, — Шаркун вытащил из стопки листок. — У нас есть вакансия: нужно наложить проклятие "Вечной чесотки" на конкурента одного уважаемого гильдейского мастера. Справитесь?

Селеста выпрямилась. Ну, чесотка — это база. Это учат на втором курсе. Она сконцентрировалась, пытаясь вызвать в душе привычную ведьминскую злобу. Она вспомнила, как в детстве у неё отобрали конфету, как её дразнили "Снежинкой"... В её ладонях зародился шар света. Он был не черным, не фиолетовым, а ярко-белым, как вспышка магии.

— Scabies Aeterna! — выкрикнула она, целясь в манекен в углу. Раздался звук, похожий на звон тысячи колокольчи-

ков. Манекен не зачесался. Вместо этого он покрылся мягким, белоснежным мехом, начал издавать аромат свежескошенной травы и... запел. Тихим, умиротворяющим голосом он выводил балладу о вечной любви. В кабинете повисла тишина. Шаркун смотрел на поющий манекен, потом на Селесту, потом снова на манекен.

— Девушка, — медленно произнес он, — мне заказали чесотку. Вредительство. Социальную деградацию. А вы... вы сотворили объект интерьера, который повышает уровень серотонина в радиусе пяти метров. Вы понимаете, что это профнепригодность?

— Но посмотрите, какой мех! — отчаянно воскликнула Селеста. — Его же можно стричь!

— Вон, — Шаркун указал пальцем на дверь. — Идите в храм. Или в детский сад. Нам нужны ведьмы, которые несут тьму и хаос, а не те, кто превращает порчу в сеанс психотерапии.

— Но мне нужна работа! Мне нечем платить за комнату!

— Могу предложить вакансию "Живой фонарь" в городских доках, — буркнул чиновник, снова берясь за перо. — Но учтите, матросы народ грубый, могут и камнем кинуть, если будете светить слишком ярко. Следующий!

Селеста брела по вечернему городу, чувствуя, как внутри всё сжимается от несправедливости. Даже фонари, работающие на дешевом эфире, казались ей более востребованными, чем она. Дождь начинал накрапывать, и капли, соприкасаясь

с её волосами, едва заметно шипели, превращаясь в крошечные светящиеся искорки. Она поднялась по шаткой лестнице в свою каморку над лавкой старьевщика. Дверь, как обычно, была не заперта — воровать у неё было нечего, кроме старых котлов и стопки учебников.

— Я дома, — глухо произнесла она, скидывая мокрый плащ. Из темного угла под кроватью донеслось радостное похрюкивание, переходящее в залиvistый лай. Секунду спустя на неё вылетело нечто золотистое и пушистое. Пушок, её фамилльяр-недоразумение, был в восторге. Его крылья — точные копии крыльев махаона, только размером с лопух — суматошно трепетали, поднимая в воздух пыль и обрывки старых газет. Он повалил Селесту на пол, пытаясь облизать ей лицо своим длинным розовым языком.

— Фу, Пушок! Прекрати! Я в депрессии, — Селеста пыталась оттолкнуть пятидесятикилограммовое "счастье". Пёс не слушал. Он перевернулся на спину, задрал лапы вверх и подставив массивное, покрытое золотистой шерстью пузико. Его крылья при этом сложились, как веера, жалобно шурша.

— Ох, ну ладно, иди сюда, — вздохнула Селеста. Она начала чесать ему живот, и Пушок зажмурился от удовольствия, издавая звуки, средние между мурлыканьем трактора и сопением мопса. Его магия — такая же светлая и нелепая, как у хозяйки — заставляла воздух вокруг них пахнуть ванильным печеньем.

— Ты хотя бы понимаешь, что мы на грани выселения?

— спросила она, аккуратно расправляя ему одно из крыльев. Тонкие чешуйки на крыльях переливались всеми цветами радуги. — Нас не берут в ведьмы. Нас не берут в отравители. Мы с тобой — ошибка природы.

Пушок вдруг вскочил, виляя хвостом так сильно, что сбил со стола пустую кружку. Он подбежал к углу, где стояла его корзинка, и начал чем-то там шумно возиться.

— Пушок, если ты опять притащил дохлую крысу, я... Она осеклась. Пёс, гордо задрав голову, тащил к ней нечто массивное, завернутое в промасленную бумагу. С тяжелым стуком "трофей" приземлился на пол прямо перед Селестой. Она осторожно развернула бумагу и ахнула. Это был огромный, сочный, копченый свиной окорок. От него исходил такой божественный аромат, что у Селесты мгновенно закружилась голова.

— Пушок... — прошептала она. — Откуда это? Ты... ты это украл? Пёс радостно гавкнул и вильнул хвостом. В его глазах светилась абсолютная уверенность в собственной правоте. Он явно считал, что раз хозяйка не может добыть еду магией, то он, как верный фамилляр, должен применить навыки тактического грабежа.

— Это же окорок из лавки мясника Ганса! — Селеста в ужасе прижала руки к щекам. — Он же нас проклянет! Хотя нет, он обычный человек... Он натравит на нас городскую стражу! Пушок подошел ближе и ткнулся носом в её руку, а затем снова подставил крылышко для чистки.

— Ты понимаешь, что ведьмы должны воровать младенцев или хотя бы редкие ингредиенты для зелий? — она взяла нож и, не выдержав, отрезала тонкий ломтик розового мяса. — А мы ворует ужин...

Она отправила кусочек в рот. Вкус был запредельным. Селеста зажмурилась, чувствуя, как жизнь возвращается в тело. — Ладно, — сказала она, жуя. — Будем считать это... гуманитарной помощью от вселенной. Но завтра, Пушок, мы идем искать работу вместе. Если они не хотят брать одну ведьму, пусть попробуют отказать ведьме с летающим псом-клептоманом.

Пушок в ответ издал победный "вуф", и его крылья на мгновение вспыхнули ярким золотым светом, осветив их крошечную, бедную, но теперь вкусно пахнущую каморку. Селеста вздохнула, глядя его по шелковистой голове. Возможно, она и была худшей ведьмой в истории, но у неё определенно был самый эффективный фамилльяр по части снабжения.

Глава 2. Свинина высшего совета

Утро началось с того, что Селестина (для друзей и кредиторов просто Сел) пыталась оттереть жирное пятно от окорока со своей единственной выходной мантии. Мантия была серой, но под её руками она вечно норовила стать нежно-жемчужной.— Пушок, если мы сегодня не найдем работу, завтра мы будем воровать не окорок, а искать где ночевать, — проворчала она, натягивая капюшон. Пушок преданно гавкнул, задев крылом стопку тарелок. Тарелки не разбились, а внезапно превратились в фарфоровых бабочек и улетели в окно. Сел только вздохнула. Это был обычный вторник. Центральная площадь Окхейвена бурлила. Сел пробиралась сквозь толпу, сжимая в руке пачку самодельных объявлений: "Услуги ведьмы. Быстро. Светло. Непредсказуемо. Оплата едой или звонкой монетой". И тут мир вокруг неё будто замедлился. Толпа внезапно расступилась, как воды Красного моря перед пророком. По мостовой шел ОН. Мортикус Де Ле Рафер.

Глава Высшего Совета, магистр тринадцати орденов и человек, чьё имя обычно произносили шепотом, чтобы не вызвать внезапный град или налоговую проверку. Он двигался с грацией породистого хищника. Черная мантия, расшитая серебряными нитями, развевалась на ветру, хотя ветра в го-

роде не было — воздух просто боялся не подчиниться его харизме. Лицо его было безупречным, острым и холодным, как лезвие ритуального кинжала.

Сел, засмотревшись на то, как эффектно переливаются его сапфировые пуговицы, не заметила выставленную вперед трость с набалдашником в виде черепа ворона.

Хрясь.

Селестина влетела прямо в расшитую грудь Великого и Ужасного. Пачка объявлений веером разлетелась по чистым сапогам магистра.

— В бездну твою бестолковость! — голос Мортикуса прозвучал как удар грома в пустой бочке. — Ты что, девица, лишилась зрения вместе с остатками здравого смысла?

Он брезгливо отряхнул мантию там, где её коснулись пальцы Сел. Магистр посмотрел на неё сверху вниз, и его глаза, темные как грозовое небо, вспыхнули раздражением.

— Простите, господин Магистр, я просто... — начала было Сел, собирая бумажки.

— «Просто»? — перебил он, переходя на ядовитый тон. — Ты хоть понимаешь, на кого ты наткнулась, светящаяся ты недоросль? Моё время стоит дороже, чем вся твоя ничемная жизнь вместе с этим... — он брезгливо указал тростью на Пушка, который как раз пытался обнюхать магическую сумку Мортикуса, — ...летающим недоразумением.

Сел почувствовала, как в груди закипает что-то горячее. Не страх. Обида. Чистая, концентрированная ведьминская

ярость, которая у неё всегда пахла озоном и жженым сахаром.

— Послушайте, господин "Я-Гроза-Района", — она выпрямилась, откидывая капюшон. Её белые волосы вспыхнули на солнце так ярко, что прохожие зажмурились. — Я извинилась. Столкнуться может каждый. Не надо орать на меня так, будто я только что подожгла вашу драгоценную бороду, которой у вас, кстати, даже нет! Совесть-то имейте!

Мортикус замер. Никто в этом городе не смел говорить с ним в таком тоне. Его лицо побледнело, а вокруг пальцев начали виться черные змеи чистой тьмы.

— Ты... жалкая девка с дефектом пигментации... — прошипел он, поднимая руку для щелчка, который должен был превратить Сел в кучку пепла (или хотя бы в очень грустную жабу). — Ты смеешь поучать МЕНЯ?

В этот момент магия внутри Сел, подогретая праведным гневом и вчерашним окороком, сорвалась с цепи. Она не хотела колдовать. Она просто хотела, чтобы он замолчал.

— Да замолчи ты уже! Хватит вести себя как... как боров недорезанный! — выкрикнула она, вскидывая руки.

Вместо привычного заклинания "Немоты", из её ладоней вырвался столб ослепительно-розового света с золотыми искрами. Бабахнуло так, что в соседней лавке алхимика лопнули все колбы с эликсиром бодрости.

Когда дым (пахнувший клубничной жвачкой) рассеялся, толпа ахнула.

Там, где секунду назад стоял великий и ужасный Мортикус Де Ле Рафер в своих дорогуших сапогах, теперь лежала его пустая черная мантия. А из-под воротника мантии, отчаянно барахтаясь в шелках, выбиралось нечто маленькое, розовое и очень возмущенное.

Это был поросенок. Маленький, гладенький, с идеально закрученным хвостиком. Но самое страшное — у поросенка остались те же самые холодные, яростные сапфировые глаза магистра.

— ХРЮ?! — выдал поросенок. А потом, потрянув ушами, пронзительно закричал: — ТЫ ЧТО СДЕЛАЛА, ТЫ, БЕЛОБРЫСАЯ КАТАСТРОФА?! ВЕРНИ МЕНЯ ОБРАТНО! НЕМЕДЛЕННО!

Сел застыла, прикрыв рот ладошкой. Пушок подошел к поросенку и с интересом его обнюхал.

— Ой, — только и смогла выдавить она. — Кажется, я переборщила с эпитетами.

— 'ОЙ'?! — поросенок Мортикус попытался величественно топнуть копытцем, но только поскользнулся на собственном объявлении Сел. — Я ТЕБЯ В ПУСТЫНЮ СОШЛЮ! Я ТЕБЯ В КОТЛЕ СВАРЮ! ПОЧЕМУ Я ГОВОРЮ ЧЕРЕЗ ПЯТАЧОК?!

На рыночной площади Окхейвена повисла такая тишина, что было слышно, как в соседнем квартале у алхимика доваривается зелье от поноса. Сотни глаз — торговцев, стражников и простых зевак — были прикованы к маленькому розо-

вому пятачку, который торчал из кучи неоправданно дорогого черного шелка.

— Ты... — поросенок Мортикус предпринял героическую попытку выбраться из рукава собственной мантии. Его копытца скользили по подкладке, и он выглядел как розовый десерт, пытающийся сбежать с тарелки. — Ты хоть понимаешь, что ты совершила акт государственного терроризма, девица?! Мои юристы... Мои инквизиторы... ХРЮ!

Последнее «хрю» вырвалось против его воли, и глаза Мортикуса — те самые ледяные сапфиры — налились кровью от ярости.

Селестина стояла, парализованная ужасом. Её белые волосы сияли так ярко, что она была похожа на неисправный уличный фонарь.

— Я... я просто хотела, чтобы вы замолчали! — пролепетала она, пятясь назад. — Вы первый начали орать! Это была самооборона!

— САМООБОРОНА?! — Мортикус наконец выпутался и встал в позу, которая, по его мнению, была величественной, но с точки зрения биологии напоминала подготовку к прыжку за морковкой. — Я Глава Высшего Совета! Я превращу тебя в пыль! Я... я...

Он зажмурился, концентрируя свою колоссальную волю. Воздух вокруг поросенка начал темнеть, заискрились черные молнии, толпа в ужасе отхлынула. Сел зажмурилась, ожидая испепеляющего удара...

Плюх. Вместо смертоносного заклинания из пяточка Мортикуса вылетел большой, переливающийся всеми цветами радуги мыльный пузырь. Он медленно подплыл к носу Селестины и лопнул, обдав её запахом детской присыпки и лаванды.

— Что за... — Мортикус посмотрел на свои копытца. — ХРЮ-У-У?!

— Кажется, ваша магия прошла через мой... э-э-э... фильтр, — рискнула предположить Сел. — Мои заклинания всегда немного... специфические.

В этот момент тишина на площади лопнула. Стражники, до которых наконец дошло, что их прямого начальника только что превратили в ингредиент для холодца, начали хвататься за алебарды.

— Лови её! — закричал капитан стражи, чей шлем съехал набок от удивления. — Хватай светящуюся! И свинью... то есть, господина Магистра тоже хватай! Но нежно!

— Пушок, валим! — Сел поняла, что время для объяснений закончилось.

Она бросилась вперед, подхватила возмущенно визжащего Мортикуса под мышку (он был удивительно плотным для такого маленького существа) и рванула в ближайший переулок.

— ПУСТИ МЕНЯ, ГРЯЗНАЯ ДЕВЧОНКА! — орал поросенок, дергая короткими ножками. — МОИ ДОСПЕХИ! МОЯ РЕПУТАЦИЯ!

— Заткнитесь, господин Магистр, или я вас в корзинку с углем засуну! — пригрозила Сел, перепрыгивая через ящик с гнилыми помидорами.

Пушок летел следом. Его огромные крылья махаона хлопали с частотой вертолетных винтов, создавая такие воздушные потоки, что прилавки с овощами разлетались в стороны. Пёс воспринимал всё происходящее как самую веселую игру в своей жизни. Он периодически пикировал на преследователей, обдавая их облаками золотистой пылицы, от которой стражники начинали безудержно чихать и признаваться друг другу в вечной дружбе.

— Налево! — скомандовал Мортикус, внезапно перестав брыкаться.

— Что? — Сел едва не вписалась в стену.

— Налево, дура! Там тупик, но над ним есть пожарная лестница! Если ты меня уронишь, я клянусь, я заставлю тебя переписывать устав Совета зубочисткой!

Сел подчинилась. Она бежала так, как не бегала даже на экзамене по физкультуре, когда за ними пустили стадо разъяренных грифонов. Её белые волосы развевались, оставляя в воздухе светящийся след, который очень дезориентировал погоню.

Они влетели в узкий проход. Стены здесь были покрыты мхом и подозрительной слизью.

— Прыгай на те бочки! — командовал розовый стратег, зажатый у неё под локтем. — Теперь за перила! Быстрее, я

слышу сапоги этого идиота капитана!

Сел подтянулась на ржавой лестнице, Пушок подтолкнул её снизу своим мощным лбом, и они оказались на крыше склада. Девушка упала на черепицу, тяжело дыша. Мортикус выскользнул из её рук и принялся яростно отряхивать свою розовую шкурку от пыли.

— Это фиаско, — заявил поросенок, глядя на свои копытца с бесконечной грустью. — Я — самый могущественный маг континента. Я читал свитки древних богов. Я могу остановить сердце дракона одним словом. И теперь... теперь я розовый и пахну лавандой.

— Зато вы живы! — Сел попыталась быть оптимисткой. — Если бы вас схватили стражники в таком виде, они бы заперли вас в золотой клетке и кормили трюфелями до конца дней. Это же унижительно.

Мортикус поднял на неё свои сапфировые глаза.

— А тащить меня под мышкой через весь город — это, по-твоему, триумф воли?

Снизу доносились крики стражи и лай собак. Пушок приземлился на крышу рядом с ними, сложил крылья и тут же попытался лизнуть Мортикуса в пяточок. — Убери это чудовище! — взвизгнул Магистр, прячась за ногу Селестины. — Оно хочет меня съесть! — Он просто знакомится, — Сел присела на корточки, глядя на маленького тирана. — Итак, господин Мортикус. У нас проблема. Я не знаю, как вернуть вас обратно. Мои заклинания... они обычно не имеют обрат-

ного хода. Пока сами не выветрятся.Мортикус замер.— "Пока не выветрятся"? — переспросил он шепотом. — И сколько обычно длится твой... дефект?— Ну... — Сел задумчиво накрутила на палец светящийся белый локон. — Мой троюродный дядя, которого я случайно превратила в кактус, начал давать побеги через месяц. Полностью отрос только к зиме и к следующей весне снова стал человеком. Хотя с вами я не уверена что будет такой же эффект.Мортикус издал звук, похожий на сдувающийся шарик. Он сел на хвост-крючок и устоялся в пространство.— К весне. Я буду свиной до весны. У меня завтра встреча с послом Некрополя. Мы должны были обсуждать демаркацию границ мира мертвых. А я буду... хрюкать.— Может, посол любит поросят? — робко предположила Сел.— Посол — пятисотлетний вампир на диете, — отрезал Мортикус. — Он любит поросят только с яблоком во рту.Он посмотрел на свои копытца, потом на Селестину, потом на её летающую собаку. В его голове, даже в свиной, мыслительные процессы шли со скоростью молнии.— Слушай сюда, Недоразумение, — сказал он, принимая максимально серьезный вид, на который способен мини-пиг. — Ты меня заколдовала — ты меня и спрячешь. Если кто-то узнает, что Глава Совета стал беконом, в стране начнется гражданская война. И первыми, кого сожгут на костре, будешь ты и твой мутант-переросток.Сел сглотнула.— Вы предлагаете мне... усыновить вас?— Я предлагаю тебе стать моим телохранителем, ассистентом и, если потре-

буется, живым щитом, — Мортикус высокомерно задрал пя-
тачок. — Ты забереешь меня в свою конуру, будешь кормить
лучшими деликатесами и искать способ вернуть мне челове-
ческий вид. Взамен я, так и быть, не превращу твою жизнь
в ад... когда снова смогу колдовать что-то серьезнее мыль-
ных пузырей. Сел посмотрела на Пушка. Тот радостно зама-
хал хвостом. — Ну... — протянула она. — У меня дома есть
остатки вчерашнего окорока... Ой! Простите, это было бес-
тактно. Мортикус сузил глаза. — Я буду спать на шелковых
подушках. И никаких шуток про бекон. Иначе, клянусь без-
дной, я выучу, как кусаться за пятки в этой форме. Селести-
на вздохнула. Кажется, её поиски работы завершились са-
мым странным контрактом в истории. Она подхватила Ма-
гистра обратно под мышку. — Пошли, Ваше Свинство. Толь-
ко капюшон наденьте, а то ваш пятачок слишком узнаваемо
благороден. Они начали спускаться с крыш, направляясь к её
жалкому жилищу, пока городская стража продолжала искать
их, даже не подозревая, что судьба мира теперь зависит от
того, хватит ли у одной неудачницы еды на прокорм самого
капризного поросенка в королевстве.

Глава 3. Интерьерный коллапс и план "Ограбление века"

Если бы у свиней была способность падать в обморок от эстетического шока, Мортикус Де Ле Рафер уже дважды скончался бы прямо на пороге.

Селестина привычно выбила плечом заедающую дверь своей каморки. Пушок ввалился первым, радостно поднимая облако пыли, которое в лучах заходящего солнца выглядело как золотая метель. Ведьма аккуратно поставила Магистра на пол. Мортикус, всё ещё замотанный в обрывки своей драгоценной мантии, медленно обернулся вокруг своей оси. Его пяточек мелко подрагивал, сканируя пространство.

— Это... чё? — выдавил он. Голос его, теперь высокий и капризный, дрожал от негодования.

— Это мой дом, — не без тени гордости ответила Сел, скидывая сапоги. — Ну, технически это чердак над лавкой старьёвщика, но крыша почти не течёт, если не считать того угла над кроватью.

— Дом? — Мортикус подошёл к её кровати, которая представляла собой нагромождение досок и матрас, набитый, судя по запаху, сушёными водорослями и чьими-то несбывшимися мечтами.

— Девушка, я видел склепы низших упырей, в которых об-

становка была более жизнеутверждающей! Здесь же... здесь даже плесень выглядит так, будто она хочет покончить с собой!

Он брезгливо ткнул копытцем в щербатую кружку на столе. — У меня в конюшнях полы моют розовым маслом! — взвизгнул он, оборачиваясь к Сел. — Я Магистр тринадцати орденов! Моя спальня находится в башне, где стены выложены живым обсидианом, который мурлычет, когда я засыпаю! А ты предлагаешь мне спать в ЭТОМ? В этом рассаднике пылевых клещей и нищеты?

Пушок, решив подбодрить гостя, подошёл и дружелюбно лизнул Мортикуса прямо в затылок.

— УБЕРИ ЕГО! — поросёнок отскочил, поскользнувшись на старом носке Селестины. — Он пропитал мою шкуру слюнями! Я требую ванну! Я требую лепестки роз! Я требую, в конце концов, чтобы ты перестала так светиться, у меня от твоих волос уже начинается мигрень! Сел упёрла руки в бока.

— Слушайте, Ваше Пятачковое Величество, — сказала она, и её волосы на мгновение вспыхнули ярче, — выбора у вас раз два и обчёлся. Либо вы спите здесь, в тепле, безопасности и приятной компании, либо я выставляю вас за дверь, где мясник Ганс как раз ищет, из чего бы сделать сосиски к ужину.

Мортикус замер. Перспектива стать сосиской явно перевесила неприязнь к пыли. Он тяжело вздохнул (что прозвуч-

чало как свист маленького чайника) и сел на хвост.

— Хорошо. Но я не намерен мириться с этим унижением дольше десяти минут.

Он поднял свои сапфировые глаза на Селестину. В них блеснул тот самый расчётливый ум, который позволял ему годами держать в узде весь магический совет.

— У тебя нет денег, — констатировал он.

— Три медяка и половина заимствованного окорока, — честно призналась Сел.

— Позор. Просто магический позор, — Мортикус поскрёб копытцем пол. — Значит так. Моя резиденция находится в верхнем квартале, за Серебряными воротами. Там, в моём кабинете, в третьем ящике стола под фальшивым дном, лежит кошель с солнечными дукатами. Один такой дукат стоит как весь этот квартал вместе с его крысами и тобой.

Селестина округлила глаза.

— Вы хотите... минуточку, вы предлагаете мне ограбить вас же?

— Не грабить, торшер ты на ножках, а провести инвентаризацию моих личных средств в интересах моего же выживания! — поправил Мортикус. — Мои слуги и стража обучены убивать любого, кто подойдёт к дверям без пропуска. Но они ищут вора, мага или шпиона. Они не будут ждать... — он запнулся, явно сглатывая горечь, — ...девицу, похожую на одуванчик, и её летающего пса.

— Там же охранные руны! — Сел покачала головой. —

Если я коснусь вашей двери, меня распылит. Буквально, я превращусь в кучку глиттера.

— Не распылит, если я буду с тобой, — Мортикус хитро прищурился. — Я знаю коды доступа. Мой голос, даже в этом... специфическом диапазоне, всё ещё содержит мою сигнатуру. Мы проберёмся через чёрный ход для поставщиков провизии. Ты пронесёшь меня в корзине.

— А если нас поймают? — Сел скептически подняла бровь. — Это же смертная казнь через превращение в соляной столбик!

— Если нас поймают, — Мортикус величественно выпрямился, насколько это позволял его рост в двадцать сантиметров, — я сдам тебя со всеми потрохами. Но если ты справишься... я клянусь, что первым делом мы купим тебе новую мантию, которая не пахнет старьёвщиком, и мне — нормальную шёлковую подушку.

Пушок радостно гавкнул, словно одобряя план. Он уже предвкушал прогулку по богатому кварталу, где, по слухам, мусорные баки пахли как лучшие рестораны Лондона и Парижа.

Селестина посмотрела на Мортикуса, потом на свою убогую комнату. Идея ворваться в самое охраняемое здание города казалась чистым безумием. Но с другой стороны... её жизнь и так была чередой безумств и неудач. Почему бы не попробовать ту неудачу, за которую хотя бы хорошо платят?

— Ладно, — выдохнула она. — Но если меня превратят

в соляной столбик, я буду стоять в вашем саду до скончания веков, и моя укоризненная рожа будет презрительно смотреть на вас вечно.

— У меня нет сада, у меня парк с лабиринтом, — сухо уточнил Мортикус. — Собирайся, Недоразумение. Ночь — наше время.

Селестина стояла перед треснувшим зеркалом, чувствуя себя заговорщиком мирового масштаба. Первым делом нужно было решить проблему "маяка". Её белые волосы, обычно пушистые и сияющие, сейчас были безжалостно скручены в тугой узел и замотаны тремя слоями старой мешковины. Сверху она натянула чепец, который когда-то принадлежал её прабабушке, а поверх него — глубокий капюшон.

— Ну как? — спросила она, поворачиваясь к Мортикусу.

— Ты похожа на кочан капусты, у которого случился экзистенциальный кризис, но при этом у него дискотека века, — проворчал поросёнок, сидя на краю стола. — Но, по крайней мере, от тебя теперь не исходит свет, как от божественного провидения. Это прогресс.

Самого Мортикуса Сел уложила в плетёную корзину. Чтобы прикрыть его розовое величие, она не нашла ничего лучше, кроме пучка подвядшей петрушки и огромного листа лопуха.

— Если я чихну от этой зелени и мы выдадим себя, я прокляну твой род до седьмого колена, — прошептал Мортикус, устраиваясь поудобнее среди стеблей. — И прекрати так

громко урчать животом! У тебя там как будто сходка китов!

Сел виновато прижала руку к желудку. Окорок манил её своим ароматом из угла, но она твёрдо решила: есть свинину в присутствии заколдованного Главы Совета — это черта, которую она не переступит. Пока что.

— Пушок, оставайся здесь, — строго сказала она псу, который уже наострил свои крылья-бабочки. — Охраняй... э-э... дыру в полу. Мы скоро вернёмся.

Пушок обиженно хлопнул носом и улёгся на матрас, создавая мощный поток воздуха, от которого корзина в руках Сел едва не перевернулась.

Верхний город разительно отличался от низов. Здесь даже мостовая казалась вымытой с мылом, а фонари горели ровным, аристократическим синим пламенем. Сел шла, стараясь подражать походке деловой прислуги, но её природная неуклюжесть постоянно вносила коррективы.

Споткнулась. Задела плечом статую горгульи. Чуть не уронила корзину в фонтан.

— Тише, ты, недоразумение вселенной! — донеслось из-под лопуха. — Ты меня там как в миксере взбиваешь! Прямо по курсу пост стражи. Сверни в переулок за лавкой артефактов.

Сел юркнула в тень. У входа в резиденцию Мортикуса стояли двое рыцарей в полных доспехах, зачарованных на обнаружение любой активной магии.

— Слушайте, — прошептала Сел, прильнув к холодной

стене. — Там детекторы. Если я пройду мимо них, мои волосы под мешковиной начнут резонировать. Я чувствую, как они зудят. Это значит, что магия рвётся наружу.

— Не паникуй, — Мортикус высунул пяточок из-под петрушки. — Эти доспехи настроены на классическую тёмную энергию. Твой "святой свет" для них — как шум ветра. Просто иди уверенно. Представь, что ты несёшь не величайшего мага современности, а... ну, скажем, просроченную запеканку. Это тебе ближе по духу.

Сел глубоко вздохнула. В животе снова заурчало, причём так громко, что один из стражников обернулся.

— Стоять! — рявкнул он. — Кто такая? Куда направляемся в столь поздний час?

Сел замерла. Её сердце колотилось где-то в районе горла. Она медленно повернулась, стараясь, чтобы капюшон закрывал лицо.

— Я... это... судомойка из "Золотого Гуся", господин рыцарь! — выдала она самым невозмутимым голосом, на который была способна. — Несу господину Магистру спецзаказ. Очень важный. Скоропортящийся.

— В такую полночь? — стражник подошёл ближе. Его забрало угрожающе лязгнуло. — Показывай, что в корзине.

Мортикус внутри затаил дыхание. Сел почувствовала, как по спине потёк холодный пот. Если стражник увидит поросёнка под петрушкой, завтра Окхейвен проснётся без Главы Совета, зато с новым рецептом жаркое.

— Ой, лучше не надо! — Сел театрально всплеснула свободной рукой. — Там... там редкий деликатес из Южных Болот. "Гниlostная хрюшка". Она пахнет так, что у неподготовленного человека выпадают зубы и отнимаются ноги. Магистр Мортикус очень любит... специфические ароматы, ну, сами понимаете: у богатых свои причуды. Хотите понюхать?

Она сделала движение, будто собирается резко сорвать лист лопуха.

Стражник отшатнулся. Все в городе знали, что у Мортикуса Де Ле Рафера были, мягко говоря, странные вкусы и очень скверный характер. Проверять содержимое корзины, рискуя лишиться зубов от вон "гниlostной хрюшки", рыцарю явно не хотелось.

— Проходи, дура, — буркнул он, отворачиваясь. — И скажи повару, чтобы в следующий раз возил это в герметичном сундуке.

Как только они миновали ворота и оказались в саду, Сел прислонилась к дереву, чувствуя, как подкашиваются ноги.

— "Гниlostная хрюшка"? — прошипел Мортикус, выбираясь из-под зелени. — Ты назвала МЕНЯ гниlostной хрюшкой?

— Заткнитесь, ваше свинство, я спасла вашу розовую задницу, — огрызнулась Сел, поправляя чепец. — Куда дальше?

— К чёрному ходу для садовников. Там есть руническая панель. Тебе нужно будет прижать к ней мою правую заднюю

ногу. Там, в копытце, вшита идентификационная метка.

Проникновение в дом напоминало акробатический этюд. Сел пришлось ползти по узкому коридору, держа корзину на вытянутых руках, пока Мортикус инструктировал её, где находятся ловушки.

— Стой! Не наступай на эту плитку! Там "Кислотный фонтан". А вот здесь... здесь аккуратно, тут заклинание "Бесконечного падения в экзистенциальную бездну". Очень неприятная штука, потом неделю ходишь и думаешь о тщетности бытия.

Наконец они добрались до святая святых — кабинета Магистра.

Помещение было огромным. Стены от пола до потолка были забиты книгами, которые светились мягким фиолетовым светом. В центре стоял массивный стол из чёрного дерева, на котором лежали черепа, странные механизмы и початая бутылка коллекционного вина.

— Мой дом, — Мортикус спрыгнул на ковёр и с наслаждением потянулся. — Моя крепость. Мой... хрю... стол. Быстро, Селестина! Третий ящик слева. Нащупай выступ на задней стенке.

Сел бросилась к столу. Её пальцы дрожали. Она нажала на потайной рычаг, и с тихим щелчком дно ящика отошло. Внутри лежал тяжёлый кожаный кошель, от которого исходило тепло.

Она вытащила одну монету. Это был солнечный дукат —

чистое золото, заряженное магией высшего порядка. Он сиял в её ладонях так ярко, что её собственные волосы под чепцом радостно отозвались ответным мерцанием.

— Ого... — выдохнула она. — Да с такими деньжищами можно купить всё, что душеньке угодно! И новый дом, и метлу, и редкие ингредиенты для зелий, и...

— Не раскатывай губу, — осадил её Мортикус, который уже успел запрыгнуть на стул и теперь с грустью смотрел на свою недопитую бутылку вина. — Это средства на наше выживание. Бери кошель и уходим, пока мой дворецкий-скелет не пришёл сюда поливать цветы. Он очень пунктуален и крайне не любит живых людей в неурочное время.

Сел спрятала деньги за пазуху. Чувство веса золота придало ей уверенности. Но стоило ей развернуться к выходу, как дверь кабинета медленно, со зловещим скрипом начала открываться.

— Ой-ой, — прошептала Сел, хватая Мортикуса и запиная его обратно в корзину. — Кажется, мы влипли...

Глава 4. Тени под дубовой столешницей

Селестина рухнула под стол так быстро, что едва не прикусила язык. Огромный стол из чёрного дерева, инкрустированный костью мамонта, был настоящим спасением — под ним можно было не только спрятаться, но и устроить небольшой танцпол. Она прижала корзину к груди, стараясь дышать через раз.

— Тише, — едва слышно выдохнул Мортикус ей в самое ухо (ну, или туда, где у Сел заканчивался чепец).

Дверь кабинета распахнулась с грохотом, который обычно предвещает либо обыск, либо триумф. Послышались шаги — уверенные, тяжёлые. Сел увидела пару начищенных до зеркального блеска туфель. Это был Люциус, первый помощник Мортикуса, человек, который раньше, казалось, готов был дышать по сигналу своего господина.

Раздался звон стекла — Люциус бесцеремонно налил себе вина из личной бутылки Магистра.

— Ах... — выдохнул он, и в его голосе не было ни капли той рабской преданности, к которой привыкли стены этого кабинета. — Какое же дерьмо ты пил, Мортикус. Дорогое, пафосное, но вяжущее, как твои вечные нотации.

Мортикус в корзине напрягся так, что Сел почувствовала, как его маленькие копытца впиваются в её локоть.

— Наконец-то, — продолжал Люциус, и Сел буквально видела, как он развалился в массивном кресле Магистра. — Тишина. Никакого "Люциус, подай свиток", "Люциус, ты идиот", "Люциус, почему твоя магия воняет дешёвым эфиром?". Знаешь, где бы ты ни был, старый напыщенный индюк, я надеюсь, что ты сдох в какой-нибудь сточной канаве, захлебнувшись собственной гордостью.

Селестина почувствовала, как от Мортикуса начинает исходить жар. Его ярость была почти осязаемой. Если бы взгляды могли испепелять, стол над ними уже превратился бы в горстку пепла вместе с Люциусом.

— Все эти идиоты в Совете думают, что ты просто "скрылся для медитации", — Люциус рассмеялся, и этот смех был похож на хруст сухого пергамента. — Они уверены: великий Мортикус Де Ле Рафер не мог пострадать от рук той светящейся девчонки. Мол, ты снял её чары за секунду и ушёл в астрал, чтобы обдумать её дерзость. Ха! Но я-то знаю, что ты пропал. И я очень надеюсь, что окончательно.

— Предатель... ничтожество... — прошипел Мортикус Селестине в шею. — Я выучил его, когда он не мог отличить приворотное зелье от слабительного!

— Ш-ш-ш! — Сел прижала его пяточек ладонью.

В этот момент дверь открылась второй раз. Шаги были другими — лёгкими, почти танцующими.

— Люциус, ты уже примеряешь его кресло? Не слишком ли оно велико для твоей узкой задницы?

Голос был пугающе похож на голос Мортикуса, но в нём было больше меди и сарказма. Это был Рейвен, младший брат Магистра. Человек, которого в семье называли тенью, и, судя по всему, эта тень очень хотела стать светом.

— Рейвен, — Люциус даже не встал. — Ты как раз вовремя. Я проверял... хм... сохранность архивов.

— Сохранность бутылки ты проверял, — Рейвен подошёл к столу. Сел увидела его сапоги — из кожи дракона, с острыми серебряными носками. Он остановился в паре сантиметров от места, где Сел прижимала к себе корзину.

— Брат исчез. Это факт. И это самый прекрасный подарок на мой юбилей, который он, кстати, проигнорировал.

— Что будем делать? — голос Люциуса стал деловым. — Совет скоро начнёт задавать вопросы. Если он не появится на саммите через три дня, будет назначен временно исполняющий обязанности.

— О, мы не будем ждать три дня, — Рейвен постучал пальцами по столешнице — прямо над головой Селестины. Звук был как удары молота. — Завтра мы объявим, что Мортикус пал жертвой древнего проклятия, которое он сам же и вызвал по неосторожности. Впал в маразм, ушёл в леса, неважно. Главное — вскрыть его личное хранилище в подвалах. Там лежат печати власти. С ними я стану Главой, а ты, мой дорогой подхалим, получишь пост ректора Академии.

— А если он вернётся? — Люциус замялся. — Мортикус мстителен. Ты же знаешь, он не просто убивает врагов, он заставляет их годами работать его подставками для зонтов.

Рейвен холодно усмехнулся.

— Если он вернётся, мы сделаем так, чтобы он об этом пожалел. Я изучил записи той девчонки в школе. Её магия хаотична. Если Мортикус до сих пор не снял заклятие, значит, он сейчас в крайне уязвимой форме. Найти и добить — вот наш план. Кто бы он ни был сейчас — лягушка, куст или нищий — он не должен дожить до конца недели.

Селестина чувствовала, как её пробирает дрожь. Ситуация из "украсть немного денег на еду" превратилась в "стать свидетелем государственного переворота".

Мортикус в её руках затих. Он больше не рычал и не пытался укунить её за палец. Это было пугающее затишье. Она рискнула заглянуть в корзину через щель в петрушке. Глаза поросёнка сияли в темноте под столом как два синих угля. В них не было обиды — там была чистая, ледяная стратегия уничтожения.

— Ты слышал? — Рейвен вдруг замолчал.

— Что? — отозвался Люциус. — Шорох. Как будто... кто-то дышит.

Селестина замерла. В её желудке, как назло, снова началось революционное брожение. "Только не сейчас, только не сейчас..." — молила она всех богов, которых знала.

Рейвен медленно наклонился. Сел видела, как край его

дорогой мантии коснулся ковра. Его лицо опускалось всё ниже, он явно собирался заглянуть под стол.

— Наверное, крысы, — лениво сказал Люциус. — Мортикус запрещал их травить, говорил, что они — часть "экосистемы дома".

— Нет, — прошептал Рейвен, и его рука в чёрной перчатке потянулась к краю столешницы. — Крысы пахнут по-другому. А здесь... здесь пахнет ванилью и... свежескошенной травой?

Сел поняла: это её волосы. Мешковина и чепец не могли сдержать её магический аромат, когда она была в стрессе. Свет начал пробиваться сквозь слои ткани на её голове, создавая под столом мягкое сияние.

— Люциус, — голос Рейвена стал острым, как бритва. — Дай-ка мне свечу. У нас под столом, кажется, завелась очень яркая крыса.

Мортикус вдруг резко ткнул Сел копытцем в ладонь и указал на тяжёлый чернильный прибор, стоящий на краю полки под столом (у Мортикуса там была записка для записей).

"Толкай!" — прочитала она в его взгляде.

Сел не думала. Она резко толкнула массивную бронзовую чернильницу. Та с грохотом полетела на пол в противоположный угол кабинета, разливая густую чёрную жидкость по белоснежному ковру.

— Проклятье! — вскрикнул Люциус, подпрыгивая. — Мои сапоги!

Рейвен отвлёкся. Он выпрямился, глядя на беспорядок.

— Бестолочь, — процедил он. — Это был знак. Его магия ещё здесь. Уходим. Мне нужно подготовить ритуал поиска. Если Мортикус в этом доме, мы выкурим его до рассвета.

Они вышли, громко хлопнув дверью. Селестина ещё минуту сидела неподвижно, чувствуя, как пот катится по лбу под тремя слоями ткани.

— Селестина, — тихо сказал Мортикус из корзины.

— Да?

— Забудь про один дукат. Бери весь кошель. И ещё вон ту статуэтку из чистого орихалка на полке.

— Зачем?

— Потому что завтра нам понадобится очень много наёмников. Или очень большая армия. Мой брат только что подписал себе смертный приговор, но для того, чтобы я его исполнил, мне нужно, чтобы ты вытащила мою розовую тушку из этого здания живой.

Сел кивнула, сгребая золото.

— Знаете, Мортикус... А ведь я вам сочувствовала секунду назад.

— Оставь сочувствие для Люциуса, — отрезал поросёнок. — Ему оно понадобится, когда я придумаю, как превратить его в придверный коврик. А теперь — бежим. У нас есть план, и в этом плане ты — мой единственный союзник. Боги, как же низко я пал.

Спустя секунду.

— В окно? Вы издеваетесь?! Вот в эту бездну?! — Селестина прижалась спиной к полированной дверце шкафа, глядя на огромную панорамную раму, за которой раскинулась ночная бездна.

— Это не бездна, это сад, — прошипел Мортикус из корзины. — Третий этаж. Высота всего десять метров. С твоей магией это всё равно что прыгнуть в кучу пуха.

— Моя магия превратила величайшего мага в мини-пи-га! — Сел в панике поправила сползающий на глаза чепец. — Если я попытаюсь левитировать, мы либо превратимся в два воздушных шарика, либо я приземлюсь, но не настолько удачно, как хотелось бы!

Снаружи, в коридоре, послышались торопливые шаги. Рейвен явно что-то заподозрил и возвращался. Ручка двери дёрнулась.

— Селестина, слушай меня! — Мортикус высунул голову из-под петрушки, и его сапфировые глаза сверкнули с такой силой, что она невольно замерла. — Ты — ходячая аномалия. Ты не неудачница, ты просто работаешь на других частотах. Твой свет — это энергия созидания, которую ты не умеешь обуздать. Сейчас не думай о формулах. Просто представь, что воздух под твоими ногами — это самая мягкая подушка в мире. Представь, что ты — свет, а свет не падает. Он летит. Прыгай!

— Вы это говорите, только чтобы вашу задницу не поймали! — вскрикнула она.

— Естественно! Но я в тебя верю, потому что мой инстинкт самосохранения никогда не ошибается! — рывкнул поросёнок. — ПРЫГАЙ!

Дверь начала поддаваться под ударом заклинания. Сел зазмурилась, прижала корзину к груди и, издав звук, средний между боевым кличем и предсмертной икотой, вылетела в окно.

Свист ветра в ушах. Сердце Сел подпрыгнуло к горлу и, кажется, решило там остаться. Она почувствовала, как её магия, запертая под слоями мешковины, внезапно рванула наружу. Чепец сорвался, белые волосы рассыпались по плечам, вспыхивая ослепительным сиянием.

Вместо того чтобы шмякнуться о каменную дорожку, они внезапно замедлились. Воздух вокруг них стал густым и сладким. Сел приоткрыла один глаз и увидела, что они окружены огромным, переливающимся розовым облаком, которое на ощупь напоминало сахарную вату.

— Мы... мы летим? — прошептала она.

— Мы дрейфуем в облаке магического зефира, — сухо прокомментировал Мортикус, глядя, как они мягко пружинят от веток векового дуба. — Очень в твоём стиле. Безвкусно, слащаво, но эффективно.

Они приземлились на газон с тихим "пмок". Розовое облако тут же лопнуло, обсыпав их блёстками, которые пахли карамелью. Сел, не теряя ни секунды, вскочила и, пригибаясь, рванула к забору, пока стража на балконе пыталась по-

нять, почему из окна Магистра вылетел светящийся кусок десерта.

Спустя час они были в каморке. Пушок встретил их радостным воем, едва не снеся дверь, но, почувствовав тяжёлую атмосферу, быстро затих и улёгся в углу, подозрительно поглядывая на корзину.

Сел сгрузила золото на стол. Монеты заманчиво блестели, но радости не было. Она посмотрела на Мортикуса. Магистр не требовал шёлковых подушек. Он не ворчал. Он медленно вышел из корзины, доплёлся до самого дальнего и тёмного угла комнаты и лёг там, уткнувшись пяточком в пыльный плинтус. Рядом, на крюке, висел тот самый свиной окорок, принесённый Пушком.

Мортикус поднял взгляд на окорок. Долго, неподвижно смотрел на него. В его глазах отражалась такая бездна отчаяния, что Селестине стало не по себе.

— Эй... — тихо позвала она. — Вы как?

— "Сдохнет в канаве", — прошептал Мортикус. Его голос был едва слышен. — "Напыщенный индюк".

— Ну, по правде говоря, ваш характер...

— Я считал их своими учениками, — поросёнок закрыл глаза. — Я думал, что страх — это высшая форма уважения. Я строил империю, Селестина. Я думал, что если я исчезну, мир замолчит в трауре. А они... они пьют моё вино и делят мои сапоги.

Он снова посмотрел на окорок.

— Знаешь, что самое смешное? Я сейчас чувствую родство с этим куском плоти. Его тоже когда-то считали важным, пока он бегал по полю. А теперь он просто еда. Как и я. Моя жизнь стоила не больше, чем цена этого золота на столе, если рядом нет никого, кто не хотел бы моей смерти.

Сел почувствовала, как в груди что-то болезненно кольнуло. Она видела много заносчивых магов, но видеть, как ломается личность такого масштаба, было невыносимо. Она подошла к своей маленькой печурке.

— Знаете что, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Моя бабушка говорила: если мир кажется дерьмом, значит, ты просто голоден.

Она достала из мешка три последние картофелины. Окорок она трогать не стала — это было бы слишком жестоко. Вместо этого она нашла в шкафу баночку с "беконной солью" — дешёвой приправой, которая имитировала запах мяса.

Сел сварила картошку, размяла её деревянной ложкой, добавила капельку масла и щедро посыпала приправой. Запахло уютно, по-домашнему.

Она поставила блюдо перед Мортикусом.

— Вот. Это картошка. С запахом... э-э... дымка. В ней нет ни грамма ваших бывших сородичей, клянусь честью ведьмы.

Мортикус не шевелился.

— Я не ем из треснувшей посуды.

— Ешьте, — мягко сказала Сел, присаживаясь рядом на

пол. — Это не для Магистра. Это для моего друга, у которого выдался паршивый день.

Мортикус медленно повернул голову. "Друг". Это слово прозвучало в этой пыльной комнате страннее, чем любое закливание. Он посмотрел на картошку, потом на Селестину. Её белые волосы в полумраке светились очень нежно, согревая его холодную розовую шкуру.

Он осторожно попробовал кусочек.

— Слишком много соли, — пробурчал он, но начал есть.
— И текстура... простовата.

— Конечно, — улыбнулась Сел, подкладывая ему ещё кусочек. — Но зато это честная картошка. Она не заглядывает вам в рот и не ждёт, когда вы упадёте в канаву.

Пушок подошёл и тихо лёг с другой стороны, согревая Мортикуса своим теплом. Глава Высшего Совета, зажатый между доброй ведьмой-неудачницей и собакой-бабочкой, доел ужин и впервые за вечер не издал ни одного язвительного комментария.

— Завтра, — сказал он, облизывая пяточок, — мы начнём войну.

— Обязательно, — согласилась Сел. — Но сначала — спать.

Она переложила его на свою кровать в левый нижний угол (единственное сухое место), а сама устроилась рядом, укрывшись мантией. Мортикус, свернувшись калачиком на грубом одеяле, ещё долго смотрел в потолок.

— Селестина?

— Да?— Спасибо. За... дымок.

— Спите уже, Ваше Свинство, — пробормотала она, засыпая.

Этой ночью в маленькой каморке над лавкой старьевщика спали трое: светящаяся ведьма, крылатый пёс и поросёнок, который только что понял, что империя — это ничто по

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.